
ИЗ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ И.А. БОДУЭНА ДЕ КУРТЕНЭ. ЭМИЛИО ТЕЗА

Работы об эпистолярном наследии И.А. Бодуэна де Куртенэ – один из традиционных жанров бодуэнистики [Stachurski 1989; Duliczenko 1995]. Круг корреспондентов ученого поразительно широк и разнообразен. Представляет интерес и его переписка с итальянскими филологами, среди которых – известный лингвист Эмилио Теза (1831 – 1912 года).

Несколько слов об этом корреспонденте Бодуэна.

Э. Теза, как признают многие его современники, был личностью исключительной. Об этом же свидетельствует и внушительный список его работ. Вскоре после его смерти Карл Фратти, сотрудник Венецианской библиотеки «Марчиана», которой в знак любви к родному городу завещал свое огромное книжное собрание, а также свой архив, составил его библиографию. В ней указано 673 названия. При этом составитель признает, что это библиография не полная [Fratti 1913]. К сожалению, до сих пор не появилась другая, исчерпывающе полная работа.

Э. Теза удивлял, во-первых, практическим знанием языков – он был настоящий полиглот. По одним сведениям, он знал тридцать языков, по другим – даже сорок [Там же]. Судя по его работам, среди известных ему языков были даже такие мало изученные в его время, как албанский, шведский. Кроме того, он знал финский, эстонский, венгерский, армянский, а также ряд языков Азии: японский, бирманский, маньчжурский, монгольский. Он был сведущ и в области древних языков: латинский, греческий – древний и средневековый, еврейский, санскрит. Что еще более неожиданно, так это его познания в области их диалектов. Конечно, в некоторых случаях это было скорее пассивное освоение языка, преследующее, в первую очередь, научно-исследовательские цели. Но его практическое знание обеспечивало возможность перевода или филологических комментариев. Нужно отметить, что переписку он вел не только по-итальянски, но и по-французски, по-немецки, по-русски, по-венгерски, по-армянски.

Все знавшие или писавшие об этом исключительном по своим знаниям человеке – в то же время образце скромности, доброжелательности, отзывчивости – подчеркивают странную черту его научной и литературной деятельности. Учитывая эрудицию, столь обширную и разнообразную, естественно было ожидать основополагающие работы, глубоко вспахивающие почву тех отраслей, в которых он выступал. К сожалению, ожидания не оправдываются. Э. Теза писал очень много, но обычно обращался к частным вопросам, шел в глубины исследования, не стремился к обобщению, к теоретизации. Как замечает его ученик Пио Райна, «Теза стремился в большей мере познать, нежели творить» [Rajna 1912]. Сам Э. Теза, скромность которого отмечается всеми знавшими его, называл себя «создателем мелких произведений».

Конечно, не у всех такая направленность исследовательской работы Э. Тезы вызывала положительное отношение. Если К. Тальявини безоговорочно признавал его знания и ценность исследований, то Бенедетто Кроче был скорее критичен, ставя под сомнение «миф о Тезе, который сформировался у некоторых его современников, считавших его слишком богатым гением, не сумевшим совладать со своим богатством» [Croce 1940: 51 – 52].

Мастер «малого жанра» в науке, если можно так выразиться, Э. Теза поражает разнообразием привлекавших его тем: это вопросы лексики и грамматики, фольклор и проблемы теории и практики перевода (он перевел на итальянский язык повесть А.С. Пушкина «Гробовщик» и поэму «Братья разбойники», а также «Песню про купца Калашникова» и «Демона» М.Ю. Лермонтова). У него были свои «предпочтения» среди языков: он уделял внимание армянскому; много работал над русским, который интересовал его и сам по себе, как интересовали многие языковые явления, но в особенности – как язык богатой литературы. Где и когда он выучил этот язык, трудно установить, во всяком случае, знал его в такой степени, что мог читать русских писателей в оригинале, переводить их произведения, изучать книги по специальности, заниматься русскими народными песнями, вести переписку по-русски. В одном из своих писем к другу Д'Анкона (к сожалению, без даты) Э. Теза сообщает: «Возможно, поеду в Турин на несколько дней, чтобы поговорить с министром. Послал бы он меня на два года в Россию! Если бы я немного пожил среди славян, для нас была бы только польза».

Характерной особенностью его жизни как ученого было то, что многие интересующие его вопросы он обсуждал и разрешал в письменном общении со своими коллегами из самых разных стран. Он вел огромную переписку, которая теснейшим образом связана с волнующими его научными вопросами. И составляет внушительную часть его интеллектуального наследия. Письма хранятся в основном в Венецианской библиотеке, а также в Национальной библиотеке во Флоренции и в Библиотеке Нормальной школы в Пизе, что не исключает возможности существования отдельных писем в Болонье, в Падуе и т. д.

Письма Эмилио Тезы к русским коллегам связаны с его исследованиями в области русского языка или русской культуры. Среди его корреспондентов из России был И.А. Бодуэн де Куртенэ. В архиве хранятся 24 его письма, все по-итальянски: из Казани от 19 марта 1880 г., 1/13 мая 1880 г., 30 мая 1880 г., 11 июня 1881 г., 19 апреля 1883 г., 18 июня 1883 г., 15 января 1887 г., 14 июня 1887 г.; из Радомы от 1 августа 1880 г.; из Венеции 22 сентября 1881 г., 28 сентября 1881 г.; из Тарту 12/24 января 1884 г., 16/ 28 января 1884 г., 11/23 февраля 1884 г., 11 марта 1884 г., 18/30 марта 1884 г., 18/30 апреля 1884 г., 8 января 1885 г., 21 сентября 1885 г., 15/27 июня 1886 г., 29 октября 1887 г., 30 июля 1891 г., 31 августа 1891 г. Все они были напечатаны с небольшим предисловием, но без комментариев [Fratti 1913a; Marchiogi 1963: 5 – 43]. Из того, что письма подписаны «*il suo*» (ваш), «*il vostro devoto*» (преданный вам), «*suo devotissimo*» (вам весьма преданный) и реже «*il vostro affezionato*» (любящий вас), можно сделать вывод, что Э. Теза и Бодуэн были знакомы лично. Знакомство могло состояться на

IV съезде ориенталистов (организованном во Флоренции в 1878 г. Де Губернатисом) или во время его поездок по Италии.

Как уже было сказано, письма в основном посвящены научным проблемам, это либо ответы на вопросы Э. Тезы, либо исторические справки, библиографические сведения, либо обмен мнениями. Но иногда письма выходят за деловые рамки и содержат личные бытовые сведения или касаются русской жизни тех лет. Из писем Бодуэна можно почерпнуть некоторые критические оценки общественного положения в России. Так, сетуя на плохую работу почтового ведомства и на утрату писем, русский ученый пишет 19 апреля 1883 г. из Казани: «Неудивительно, что так произошло, если учитывать возрастающий беспорядок, господствующий не только в учреждении почты, но и во всех других учреждениях России. Мы живем здесь в полной правительственной анархии» [Marchiori 1963: 21]. Недовольство ученого вызывают и порядки в университетах. Например, в Казанском университете перестали преподавать армянский и другие восточные языки. О Дерптском (Тартуском) университете, куда затем переехал Бодуэн де Куртенэ, он пишет Тезе 30 июля 1891 г.: «Вы жалуетесь на холод в Падуе? А что бы вы сказали о дерптском холоде? Но холод это даже не столь важно. Хуже холода то, что научный уровень в университете идет быстрыми шагами на убыль, так что атмосфера становится просто невыносимой...» [Там же: 40]. Из переписки видно, что Бодуэн очень аккуратно ведет в своих письмах денежные расчеты за книги, купленные им для Тезы или наоборот.

Э. Теза часто обращается с просьбой порекомендовать или прислать ту или иную книгу. Так, он просит Бодуэна де Куртенэ посоветовать ему какую-нибудь историю русской литературы, и последний называет учебник Галахова. Э. Теза ищет издание басен Крылова на иностранных языках, возможно, для перевода на итальянский. Бодуэн внимательно относится к этой просьбе. После первого ответа о «безуспешных поисках» (письмо от 12/24 января 1884 г.) [Там же: 23], он сообщает о переводах на польский, и затем – 25 января 1884 г. – о переводах на немецкий, один изданный в 1842 г. в Митаве, другой в Петербурге в 1863 г. и третий в Лейпциге в 1881 г. [Там же: 23 – 24].

Э. Теза прибегает к помощи своих русских корреспондентов, когда возникают затруднения с разъяснением различных слов, выражений, конструкций. Из писем-ответов мы можем составить себе представление о трудностях русского языка или истории русской культуры, с которыми он сталкивался в своей работе, что дает представление и о том, в какой степени он владел русским языком и был сведущ в вопросах русской истории и русской культуры. Так, работая над переводом повести А.С. Пушкина «Гробовщик», он обращается к Бодуэну с просьбой разъяснить ему некоторые слова. Письмо от 11/23 февраля

1884 г. содержит перевод на итальянский и на французский языки (иногда и на немецкий) ряда непонятных для Э. Тезы выражений, как-то: *за порядочную сумму, возвысилась вывеска, обиваются гробы, не прогновайся, закатить пир горой, чего доброго, собраться с силами, будочник, частный, часть, гаер святочный, извозчик* [Там же: 27]. Можно предположить, что ответ разрешил не все проблемы Э. Тезы, поскольку менее чем через месяц Бодуэн, жалуясь на занятость (письмо от 18/30 марта 1884 г.), объясняет ему значение слова *чухонец* и признается, что не может дать «более ясное и точное объяснение происхождения выражения *чего доброго*» [Там же: 29 – 30]. «Чухонец, – объясняет ученый, – по всей вероятности, образование (*Weiterbildung* – по-немецки в письме) от «чудь», которое обозначало и обозначает до сих пор в научной терминологии народность финского происхождения». Бодуэн уточняет, что славяне называли так чужие народы и одновременно объясняет значение имени *Всеволод*, указывая на его старославянское происхождение *Visevaldù=Вышевлад*, то есть соответствующее греческому «*Pan-cratius*». Кстати, с этим же вопросом Э. Теза обращается и к В.Ф. Миллеру и получает тот же ответ.

В круг интересов Э. Тезы входил и малороссийский язык, и в этом плане он тоже обращался за разъяснениями к Бодуэну де Куртенэ.

Из писем видно, что русский ученый высоко ценил деятельность своего итальянского коллеги, он положительно отзывается о книге Э. Тезы «*Rainardo e Lesengrino*» и считает ее одной из важнейших работ в изучении животного эпоса [Там же: 12].

Благодаря И.А. Бодуэну де Куртенэ среди корреспондентов Э. Тезы появляются Н. Ильминский, директор Педагогического института в Казани, автор грамматики алтайского языка, и проф. Казанского университета, ученик Бодуэна Николай Булич (в архиве есть по одному недатированному письму каждого из них, оба по-французски). Указывая на возможность переписки, Бодуэн де Куртенэ уточняет, что «проф. Ильминский хорошо понимает и по-итальянски», однако лучше ему писать по-французски или по-немецки. Сообщая о желании Н. Булича познакомиться с Э. Тезой во время своего пребывания в Италии, Бодуэн рекомендует его «как прекрасного знатока русской литературы и вообще славянской филологии» (письмо от 11 июня 1881 г.). Фамилия Н. Булича возникает вновь, в письме от 14 июня 1887 г., в том же контексте поездки в Италию и возможного посещения Э. Тезы с уточнением, что Бодуэн де Куртенэ дал ему «рекомендательное письмо», что заставляет предположить, что первая поездка не состоялась [Там же: 13]. Он же пишет ему о проф. Ф. Радлове (письмо от 30 июня 1880 г.) [Там же: 14], известном специалисте-востоковеде, имя которого встречается и в других письмах, а также о проф. Московского

университета В.Ф. Миллере, перу которого принадлежат два недатированных письма Э.Тезе по-французски.

Переписка Эмилио Тезы и И.А. Бодуэна де Куртенэ – образец плодотворного, разностороннего и интенсивного общения современников, работающих в одной сфере, размышлявших над сходными вопросами науки и культуры. Она раскрывает интересную и малоизвестную сторону диалога двух культур – русской и итальянской.

ЛИТЕРАТУРА

Croce B. La letteratura della Nuova Italia, Laterza, Bari, 1940, v. VI.

Duliczenko A. Jan Ignacy Niecisław Baudouin de Courtenay: wśród kultur i języków (okres dorpacki 1883 – 1893) // Kresy – Syberia – Literatura. Doświadczenia dialogu i uniwersalizmu / Pod red. E. Chaplejewicza i E. Kasperskiego. Warszawa, 1995. S. 19 – 27.

Fratti C. Bibliografia di Emilio Teza. Venezia, 1913.

Fratti C. La libreria del prof. Emilio Teza, donata alla Marciana // La Bibliofilia. Firenze. 1913a. V. XV.

Marchiori J. Carteggio Jan I.N. Baudouin De Courtenay – Emilio Teza // Estratto delle Memorie della Accademia Patavina di SS.LL.AA classe di Scienze, Morale, Lettere ed Arti. V. LXXIV (1961 – 1962), Padova, 1963. P. 5 – 43.

Rajna P. Emilio Teza // II Marzocco. 1912. 7 aprile. P. 1.

Stachurski E. Listy Jana Baudouina de Courtenay // Jan Niecisław Baudouin de Courtenay a lingwistyka światowa. Wrocław, 1989. S. 625 – 646.

А. Николеску